

Глава 10

Если Бай Цзин владеет боевыми искусствами, Юнь Чэмин не стал бы об этом спрашивать. Следовательно, Бай Цзин ими не владеет.

Но что, если он всё же обучен, а собеседник намеренно его провоцирует? В конце концов, юноша допустил несколько мелких промахов, а Юнь Чэмин умен и проницателен — вдруг он уже давно что-то подозревает?

Сюнь Фэна охватила досада. И угораздило же его заснуть! А что, если он проговорился во сне? Это была бы настоящая катастрофа.

Юнь Чэмин прищурился:

— Что? Мой вопрос так труден?

Сюнь Фэн бросил пресс-папье на стол.

— Какое ещё искусство? Я знаю только, что ты собирался меня ударить, а я просто схватил первое, что подвернулось под руку, чтобы защититься.

— Инстинкты не лгут, — возразил Юнь Чэмин.

Сюнь Фэн развёл руками и развязно опустился на стул, глядя на него снизу вверх.

— Правда хочешь знать? — с насмешкой произнес он. — Похоже, кухня очень любопытна насчет моего прошлого.

Юнь Чэмину не нравилась эта манера уходить от ответа, юлить и не говорить ни слова правды, ведя себя как настоящий повеса. Он отступил на шаг и принялся молча собирать свои вещи. Видя, что тот собирается уходить, Сюнь Фэн поспешно преградил ему путь.

— Кухина, к чему такая спешка? Мы же просто разговариваем.

— Отойди.

— Не отойду.

— Я полагал, ты — необработанный нефрит, — холодно произнёс Юнь Чэмин. — Но, похоже, ошибся. Ты — трухлявое дерево. У нас разные пути, и нам не по дороге. У нас разные стремления, и нам не быть друзьями. Прошу, дай мне пройти.

— Какие ещё пути, какие стремления? — Сюнь Фэн не вслушивался в его слова. — Ты непременно хочешь уйти?

— Да, непременно, — в этот миг молодой человек горько сожалел о своём желании перевоспитать Бай Цзина. Тот уже был сформировавшейся личностью, и его натуру не изменить.

— Хорошо, уходи, — вспыхнул и Сюнь Фэн. Этот Юнь Чэмин, хоть и красив, но характер у него отвратительный! Пусть немного остынет. Кнут и пряник — вот лучший способ управлять людьми.

Юнь Чэмин ничуть не смутился. Не удостоив юношу взглядом, он прошел мимо, оставив за собой лишь легкий аромат лекарств.

Сюнь Фэн взял кисть, положил её, снова взял и принялся что-то машинально выводить на бумаге. Когда он закончил и посмотрел на лист, то замер: там красовался иероглиф «Юнь».

— Проклятье! Какое проклятье! — Он скомкал бумагу и с силой швырнул на пол. — Чертовщина, зачем я пишу её имя?

«Будто я один не могу уйти! Ты уходишь, и я уйду»

Следом за ароматом лекарств юноша покинул комнату.

***

— Что случилось? Уходили в прекрасном настроении, а вернулись — один мрачнее другого, — с любопытством спросила Бай Цимэй.

Сюнь Фэн, обмахиваясь ладонью, решил подшутить:

— Мрачнее? Где? Я чувствую только... хм, суп из корня лотоса? И еще... больше ничего не могу разобрать.

— Ну и нос у тебя, — рассмеялась госпожа Бай. — Мы ждали вас к ужину. Иньжуй, подавай постные блюда.

— А я пойду поем в другом месте, — заявил Сюнь Фэн.

Юнь Чэмин, до этого молчавший, словно изваяние, наконец взглянул на него.

— В другом месте? Почему? — удивилась Бай Цимэй.

— Я и так уже преградил кое-кому путь, не смею еще и преграждать дорогу к пище, — с серьезным видом произнёс юноша. — Пожалуй, я всё-таки пойду.

Тетушка не знала, смеяться ей или сердиться, но в душе радовалась, чувствуя, что свадьба детей не за горами. Она повернулась к Юнь Чэмину:

— Это он о тебе?

— Не знаю, — ответил тот. — Он всегда говорит что попало, наверняка и сейчас лжет.

Бай Цимэй сдержала улыбку и снова обратилась к племяннику:

— Цзин'эр, это правда?

— Тетушка, разве я когда-нибудь говорил неправду? — возразил Сюнь Фэн. — Ладно, я лучше пойду поем в другом месте.

Юнь Чэмин резко встал, полы его одежд взметнулись.

— Я уйду, — холодно произнёс он. — Не желаю сидеть за одним столом с ветреным и легкомысленным человеком.

Бай Цимэй поняла, что дело неладно, и поспешила его остановить.

— Чэмин! Немедленно извинись перед кузеном. Как можно так оскорблять людей?

— Я лишь сказал правду. А правда бывает горше лжи, — ответил Юнь Чэмин.

Этот человек был и впрямь забавным. Сюнь Фэн вдруг рассмеялся.

— Тетушка, кузина права. Я действительно намеренно скрыл от неё кое-что. Я молчал, потому что мне было стыдно.

— О чём ты? — не понял Юнь Чэмин.

— После смерти отца я бродяжничал, и меня часто обижали. Я был маленький, недоедал, худой, как тростинка, и не мог дать сдачи. У меня отбирали всё, что я находил, таскали за волосы, били головой о стену. Но однажды мне помог один нищий. Он был очень сильным и

разогнал всех моих обидчиков. Я подумал, что если бы я был таким же сильным, то не голодал бы и смог бы найти тетушку. Я умолял его взять меня в ученики. Сначала он не соглашался, но я клялся, что буду служить ему верой и правдой, как вол, как конь, и он наконец согласился. Так я и начал учиться у него.

Бай Цимэй слушала, затаив дыхание.

— А что было потом? — не удержалась она.

— А потом? Потом он меня обманул. Он взял меня в ученики только ради нефритовой подвески, которую я прятал. Он хотел её украсть.

— Ах! — воскликнула госпожа Бай. — Как же так!

Сюнь Фэн опустил голову, его голос стал тихим и печальным.

— Кузина спросила, владею ли я боевыми искусствами. Я не хотел отвечать не потому, что не хотел, а потому, что мне было стыдно. Как только я вспоминаю, что моим учителем был обманщик, который бил и ругал меня, моё сердце разрывается от боли.

Юнь Чэмин не ожидал такой запутанной истории. Он был неправ, слишком поспешен в своих суждениях.

— Я опять наговорил лишнего и расстроил тетушку, — юноша утер уголки глаз.

— Цзин'эр, как же ты настрадался! — глаза Бай Цимэй наполнились слезами.

Молодой человек хотел извиниться, но Сюнь Фэн не дал ему такой возможности.

— Тетушка, вы ужинайте, а я пойду пройдусь.

— Хорошо, только не задерживайся. Ночи всё ещё прохладные, — напутствовала его госпожа Бай.

Юнь Чэмин стоял неподвижно, погруженный в свои мысли.

***

Едва выйдя за дверь и убедившись, что вокруг никого нет, Сюнь Фэн закрыл лицо руками и тихо рассмеялся.

«Сюнь Фэн, ты просто гений! Тебе бы в театральную труппу. Пусть теперь Юнь Чэмин мучается чувством вины, пусть не ест и не спит. Надо будет избегать её несколько дней. Невозможность извиниться — худшее наказание. Дразнить её, конечно, забавно, но в этом храме ни вина, ни мяса. Это же противно человеческой природе! Человек рождён, чтобы пить вино и есть мясо! Хе-хе, пора тайком выбраться и повеселиться»

В нынешней империи не было ночного комендантского часа, что было весьма удобно. Почти не раздумывая, юноша инстинктивно направился к самому большому веселому дому в префектуре Сунцзян. Теперь, с деньгами, которые дала ему Бай Цимэй, он мог смело посещать такие места.

Но, к его удивлению, это заведение отличалось от тех, где он бывал раньше. При входе нужно было заказать чашку цветочного чая, которая стоила несколько тысяч вэней! Сюнь Фэн хотел было развернуться и уйти, но потом подумал: если чай здесь дороже, то и девицы, должно быть, красивее.

Поднявшись наверх, он сел за столик. Хозяйка без умолку болтала, намекая на вознаграждение. Сюнь Фэн, сдерживая раздражение, заплатил за тишину. После того как он раскошелился еще на несколько монет, наконец появилась девушка — за ширмой.

Юноша разозлился. Что за день сегодня такой неудачный! Но еще больше его взбесило то, что девица вместо песен начала читать стихи. Остальные гости, словно никогда не слышали стихов, восторженно аплодировали. Сюнь Фэн чуть не взорвался от злости.

«Черт бы побрал этих баранов! Я заплатил деньги, чтобы послушать чтеца? Да еще и какую-то кислую заумь, в которой ни слова не смыслю!»

Терпение его лопнуло. Юноша решил поискать развлечений в другом месте. Обойдя резную ширму, он случайно услышал чей-то шепот:

— А ты знаешь, наш господин префект уезжает.

— Уезжает? Но он же здесь всего три года. Срок еще не вышел. Неужели повышение?

— Говорят, его переводят в Цинчжоу.

— Значит, понижение. Неудивительно. За три года никаких заслуг, давно пора. Интересно, кто будет новым префектом.

— А я как раз о новом префекте и хотел сказать. Говорят, он птица высокого полета, любимец самого императора!

— Любимец? И такого человека отправят в нашу скромную префектуру Сунцзян?

— Ты слышал о Гу Яньдине?

— Тсс, неужели это он?!

— Он самый.

— Не может быть. Господин Гу — племянник императора, молод и талантлив. Говорят, недавно он был в Наньсюне, расследовал дела, навел порядок, раскрыл множество старых преступлений. Зачем ему ехать в Сунцзян?

— Говорят, на господина Гу донесли.

— Как это?

— Я слышал от отца. Там замешаны дворцовые интриги. Фракция благородной наложницы Сюэ подала доклад, в котором утверждалось, что господин Гу под видом борьбы с коррупцией на самом деле брал взятки и спасал богачей от наказания. Фракция императрицы заступилась за него, заявив, что это клевета. После долгих споров и интриг господина Гу и отправили к нам в Сунцзян.

— Похоже, он проиграл.

— Эх, боги дерутся, а простые смертные страдают. Как думаешь, сколько голов полетит с приходом нового префекта? Будет ли у нас спокойная жизнь?

Спокойной жизни больше не будет.

Сюнь Фэн застыл на месте. Гу Яньдин. Он тут же вспомнил его суровое лицо с резкими чертами. Тот не только обманул его, но и забрал его грамоту, одежду и, притворившись им, выманил пятьсот лянов золота.

«Это из-за меня его сослали в префектуру Сунцзян!»

Волосы на затылке юноши встали дыбом, в голове зазвенел тревожный колокол. Инстинкт кричал одно — бежать!

Сюнь Фэн, пошатываясь, брел по улицам. Прохладный ветерок немного развеял его панику. Подняв глаза, он с удивлением обнаружил, что оказался у озера Цуй. Озеро всё так же было прекрасно, мост — всё так же печален, а луна — всё так же высоко в небе. И почему-то на душе у него стало спокойнее.

«Чего я боюсь?»

«Когда я обманывал Гу Яньдина, я был под личиной. Даже если мы встретимся, он вряд ли меня узнает. К тому же сейчас я не неуловимый Цяньмянь Ухэнь, а Бай Цзин из семьи Юнь»

Внезапно юношу осенила мысль. Раз уж судьба сделала его Бай Цзином, почему бы не стать им по-настоящему? Все равно Юнь Чэмин скоро умрет, Бай Цимэй тоже, Юнь Гуаньлин рано или поздно выйдет замуж, а богатства семьи Юнь хватит на всю жизнь.

«Решено»

Приняв решение, юноша почувствовал, как камень свалился с души. Он громко рассмеялся, глядя на озеро, и зашагал прочь.

Мох на каменных ступенях пропитался ночной росой и стал скользким, как масло. Сюнь Фэн поскользнулся и, пошатнувшись, схватился за старую сливу. Он решил прилечь прямо под деревом. Поднеся кувшин к губам, он запрокинул голову, и янтарная жидкость потекла по его горлу.

Ночью в храме было так тихо, что слышно было, как роса капает на мох. Издалека доносилось прерывистое кваканье лягушек из пруда. Он смотрел на луну, разрезанную на куски тенями ветвей, и думал: как завтра вести себя с Юнь Чэмином?

Вдруг он почувствовал холодок на затылке. Эта прохлада не была похожа на обычную сырость летней ночи; она напоминала ледяную линейку, только что вынутую из зимнего колодца — обжигающий холод коснулся самой кожи. Дыхание юноши на мгновение замерло. Он медленно повернул голову.

На каменных ступенях неподалеку стоял Юнь Чэмин и молча смотрел на него.

— !

Сюнь Фэна словно ошпарило. Он резко сел, пытаясь спрятать кувшин за спину.

— Кузина, почему ты так поздно не спишь?

Юнь Чэмин не двигался. Лунный свет падал на его опущенные ресницы, отбрасывая на щеки бледные тени, похожие на невысохшую тушь. Его взгляд сначала остановился на руке Сюнь Фэна, спрятанной за спиной, а затем медленно переместился на его лицо. Голос, чистый и прохладный, прозвучал в тишине:

— Матушка велела мне дожидаться тебя.

Ночной ветер прошелестел в кронах деревьев, словно кто-то шептался в темноте. Сюнь Фэн, глядя на край его белого одеяния, развеваемый ветром, сглотнул.

— Ты всё это время ждал меня здесь?

— Да, матушка велела мне ждать.

Кваканье лягушек в пруду внезапно стихло, и даже стрекот насекомых стал тише.

— А если бы я сегодня не вернулся? — спросил Сюнь Фэн.

— Я бы ждал, пока ты не вернешься, — безразлично ответил Юнь Чэмин.

Юноша замолчал, вертя в руках нефритовую подвеску на поясе.

Собеседник медленно спустился по ступеням. Лунный свет, пробиваясь сквозь листву, рисовал на его лице причудливую сетку света и тени.

— От тебя сильно пахнет, — вдруг сказал он.

— Правда? — Сюнь Фэн понюхал свой воротник. — Наверное, испачкался, когда покупал вино.

— В святом месте не должно пахнуть духами и пудрой.

Сюнь Фэн вдруг подошел на полшага ближе. Его длинные ресницы дрогнули, в глазах вспыхнул странный блеск, а на губах заиграла торжествующая, даже слегка зловещая улыбка. В этот миг его красота казалась колючей.

— Кузина, это ты хотела меня дождаться или тетушка велела?

Юнь Чэмин, не отводя взгляда, прямо ответил:

— И матушка велела мне ждать, и я сам того пожелал.